

довольный всѣми другими существовавшими тогда вѣрами, крѣпко недоумѣвалъ, къ какой бы именно вѣрѣ пристать, чтобы и душу свою спасти, и жить то бы на полной своей волѣ, безъ ограниченія себя какою бы то ни было властію. Нечего и говорить, что подобная почва особенно благоприятствовала пропагандѣ какой угодно вѣры, лишь бы это была новая, еще незнаемая вѣра, тѣмъ болѣе вѣрѣ подпольнической съ ея таинственнымъ, сильно дѣйствующимъ на простое воображеніе, ученіемъ о послѣднемъ антихристѣ, о сокровенной церкви, о жизни, полной страха и радости въ горахъ, вертемахъ и пронастѣхъ земныхъ, въ удаленіи отъ міра и всѣхъ обязательныхъ къ нему отношеній. И Аноногенъ какъ нельзя лучше воспользовался этимъ настроеніемъ въ свою пользу. Въ короткое сравнительно время онъ успѣлъ взволновать своимъ новымъ ученіемъ почти всю Бабановку; люди, преданные православію и церкви, и тѣ потянулись въ его сторону. Молва о быстрыхъ успѣхахъ его живо распространилась по близкимъ селамъ и деревнямъ, и всѣ, кто только жаждалъ спасенія, посѣщали въ Бабановку, въ этотъ отсель новый Иерусалимъ, и Аноногенъ всѣхъ, *безъ разбора*, принималъ въ странство. Слухи о таинственныхъ исчезновеніяхъ то той то другой личности изъ того или другаго села и деревни стали появляться все чаще и чаще. Такъ за 1860—1870 г.г. по свѣдѣніямъ Золото-волостнаго правленія, изъ Ваулина и его деревень — Мазалеи, Кубасовой и Ревиной пропало безвѣсти 18 лицъ обоего пола, въ томъ числѣ изъ одной Ревиной 9 человекъ, не считая при этомъ множества лицъ, проживавшихъ въ странствѣ или временно, безъ паспортовъ, или постоянно по паспортамъ, чаще же всего безъ нихъ, особенно женскій полъ. Видно, какъ прослышались, въ свою очередь, объ успѣхахъ Аноногена изъ своей Ярославской резиденціи и „пречестнѣйшій рабъ Божій, мудростію украшеннѣй, правитель корабля церковнаго“, глава и руководитель всероссійской подпольщины — Никита Семеновъ Киселевъ (см. по немъ Вр. Слово за 1875 годъ стр. 205—319 подл. III-й), теперь уже умершій. Для укрѣпленія новообращенныхъ въ вѣрѣ и благочестіи, онъ не замедлилъ выслать изъ разныхъ мѣстъ цѣлую фалангу другихъ пропагандистовъ: бѣглыхъ солдатъ, каторжниковъ и т. д. бѣгльковъ, не ради душевнаго спасенія, а ради разгульной и привольной жизни въ подпольяхъ уклонившихся въ странство, какъ это мы увидимъ ниже. Таковы напр. изъ нихъ: Семенъ Александровъ (схваченъ въ 1880 г.) изъ Ярославской губерніи, дважды бѣжавшій изъ военной службы, наказанный шпидрутеями, сосланный на поселеніе въ Сибирь, за побѣгъ откуда, по поимѣ, вновь былъ наказанъ, заклеименъ, сданъ въ каторжныя работы, но опять бѣжавшій оттуда и около 8—10 лѣтъ благополучно укрывавшійся въ д.д. Бабановой, Ревиной и Кубасовой, пока въ

позапрошломъ году вновь не былъ пойманъ и отправленъ по назначенію; Иванъ Яковлевъ, изъ Костромской губерніи, бѣглый ратникъ, — вѣсто Маркель изъ Саратовской губ., Аткарскаго уѣзда, дѣтъ 20 тому назадъ бѣжавшій изъ военной службы и доселѣ еще пребывающій въ здѣшнихъ подпольяхъ. Всѣ эти лица, въ томъ числѣ: Давыдъ (въ міру Василій) Николаевъ 20 л., Василій Ивановъ 22 л., Евсѣвій Ильинъ 40 л., всѣ ярославцы изъ Пошехонскаго уѣзда, Иванъ (въ міру Анастасій) Леонтьевъ 39 л., сынъ его Захарія (въ міру Ома) 20 л., уроженцы изъ села Гремячки, Саратовскаго уѣзда, и мы др. горячо и ревностно принялись за распространеніе страннической секты. Некоторые изъ нихъ — Давыдъ Николаевъ и Василій Ивановъ, должно быть, ужь слишкомъ поусердствовали въ этомъ дѣлѣ, такъ что доблестному „правителю корабля церковнаго“, Никитѣ Семенову пришлось нѣсколько поумѣрять ихъ ревность. „Возлюбленныи, писалъ онъ имъ ок. 1865 г., вы бы по одному дереву сажали да почаще поливали, скоро бы плоды увидали, а большее сажденіе потребуетъ большаго воздѣланія и присмотра; а какъ такъ, что посадить да посушить и на дрова изрубить для приносите — что будетъ? начатки безъ прибытка и труды безъ мзды“. Т. образомъ совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ бѣглыхъ и безнашпортныхъ личностей подпольническая секта живо распространилась по всему здѣшнему, поволжью, начиная отъ Синенькихъ и до самаго Дантя. Не замѣтно и скрытно шла эта пропаганда, такъ какъ обязательство хрывать и *таить* свою вѣру отъ вѣщихъ, отъ антихриста, составляетъ одинъ изъ существенныхъ догматовъ этой секты, и только повторившися время отъ времени слухи о таинственномъ исчезновеніи тѣхъ или другихъ личностей свидѣтельствовали о дѣйствительномъ ея существованіи. Чтобы удобнѣе утаить отъ міра свою принадлежность къ сектѣ и въ то же время безбоязненно принадлежать къ совму „по-таенныхъ и совроченныхъ христіолюбцевъ“, подпольники не прочь принимать и на самомъ дѣлѣ принимаютъ нѣкоторыя изъ священнодѣйствій пр. церкви: крещеніе и бракъ, конечно, ни во что вмѣняя эти таинства и послѣ всего это передѣлывая по своему.

(Окончаніе будетъ).

ЗАМѢТКА ПО РАСКОЛУ.

Церковно-Обществу. Всплывшъ въ 83 №, съ сожалѣніемъ передаетъ, что извѣстный о. Пафнутіи, нѣкогда бывшій епископъ австрійскаго священства, а затѣмъ приставшій къ православно церкви и жившій въ Целѣ Московскаго Чудова монастыря, ушолъ опять въ расколъ, за границу въ Турцію. Что съ нимъ сдѣлалось?! — Удивительно! — Много лѣтъ онъ умно и краснорѣчиво ратовалъ за православіе, а теперь — опять въ расколъ!... Ужели Пафнутіи нашолъ истину въ расколѣ, а въ православіи — заблужденіе! — Ничего не бы-

вало этого, и быть не могло: исторія Христовой церкви показываетъ, что подобныхъ примѣровъ было не мало.—Наприм. Иуда былъ апостоль Христу, присталъ ко Христу, конечно, по вѣрѣ въ Него, какъ въ ожидаемаго еврейми Мессію; но отпалъ отъ Него, предалъ Его и ушелъ на сторону врага Христова—дѣвола. Много и умныхъ епископовъ уходило въ ереси и расколы отъ православной церкви, какъ показываетъ исторія ересей и расколовъ и церковныхъ соборовъ, все-лепскихъ и помѣстныхъ.—Какая же причина, по которой самыя, по видимому, видныя люди въ св. церкви, уклоняются отъ нея и уходятъ въ расколы и ереси?—Главная причина—*нечистое направленіе сердца*, доходящее постепенно до развращенія.—Иуда постепенно развратилъ свое сердце страстію сребролюбія, и окончательно отпалъ отъ общества Христова. Православные епископы, постепенно мало по малу, заразившись духомъ честолюбія и мірскихъ интересовъ, развращались, отпадали отъ истины православія, которая въ нечистомъ ихъ сердцѣ не находила уже себѣ мѣста, и уклонялись въ ереси и расколы. Мы не знаемъ характера и жизни о. Пафнутія; но можемъ думать, что онъ, питая въ своемъ сердцѣ какую либо, можетъ быть—и давнюю страсть, не могъ удовлетворять ей, сдѣлавшись изъ *австрійскаго*, высокоуважаемаго раскольниками *епископа*, смиреннымъ *инокомъ* Чудова монастыря, промѣнявши архіерейскіе покои на тѣсную келлію, не могъ не мечтать о прежнемъ ореолѣ своей мірской славы и объ утратѣ житейскихъ интересовъ среди раскольническаго міра: почему взгрустнулъ въ стѣнахъ смиренной православной обители, налъ духомъ и ушелъ опять на прежнее раздолье славы и интереса.—*Вѣстникъ* передаетъ, что о. Пафнутій всегда проводилъ мысль, что *клятва* собора 1667 г. непременно должна быть съ раскольниковъ снята; иначе она и ихъ задерживаетъ въ расколѣ и *единовѣрцевъ* смущаетъ. Въ такомъ мнѣніи о *клятвѣ* собора 1667 г. совершенно солидаренъ съ Пафнутіемъ и извѣстный защитникъ раскола, г. И. Филипповъ.—Но противъ такого понятія Пафнутія и Филиппова, нельзя не согласиться съ г. Нильскимъ, о. Васильевымъ и другими оппонентами г. Филиппова, что, какъ древніе еретики и раскольники, своимъ враждебнымъ удаленіемъ отъ св. церкви сами собою устраивали себѣ *клятву* со стороны церкви, которая, вслѣдствіе добровольнаго отдѣленія отъ нея раздорни-

ковъ, и сопровождала ихъ *клятвою*, но дотолѣ, пока они оставались въ раздорѣ, а какъ скоро возвращались съ раскаяніемъ къ св. церкви, она съ любовью, слагала съ нихъ *клятву*, осыпала ихъ своимъ *благословеніемъ*: такъ и наша православная церковь, тогда уже изрекла на раскольниковъ *клятву*, въ 1667 году, на Московскомъ соборѣ, когда они уже сами, за десять лѣтъ предъ этимъ, устроили себѣ *клятву*, съ хуленіемъ отставши отъ св. церкви въ расколѣ, и изрекла церковь *клятву* тоже только до толѣ, *додерже* раздорники *вразумятся и придутъ въ покаяніе*. Слѣдовательно *клятва* снимается съ раскольниковъ прежде самими раскольниками, а затѣмъ уже и властію св. церкви, которая съ любовью принимаетъ ихъ, какъ бывшихъ *блудныхъ сыновъ*, и осыпаетъ ихъ своимъ *благословеніемъ*. Если же церковь скажетъ раздорникамъ: „разрушаю вашу *клятву*, идите въ мои матернія объятія“, а раздорники отвѣтятъ на то упорствомъ и хулою: то какаго же будетъ польза?!—Такъ, —хоть десять разъ на день, снимай съ раскольниковъ *клятву*, они все останутся раскольниками съ своею *клятвою*. Что касается до *единовѣрцевъ*, то польза тоже вполне не согласится съ оными оппонентами г. Филиппова, что *единовѣрцамъ*, получившимъ *благословеніе* отъ церкви употребляютъ излюбленными обряды, и нѣтъ совершенно никакой причины смущаться *клятвою* собора 1667 г.; такъ какъ *клятва* сопровождала не *обряды*, а *раздорниковъ* изъ за *обрядовъ*. Хоть г. Филипповъ и сидится разными изворотами доказывать, что будто *клятва* положена не на людей только, но и на самыя *обряды*, подтверпляя свое пониманіе двѣ различными *указами* по расколу Петра Великаго; но 27-е *правило* *соборнаго свитка* ясно, какъ день, заявляетъ, что *клятва* снимается, за показаніе теплаго раскаянія, *съ попомъ Никиты*, а *остається* на *Аввакумѣ, Лазарѣ, Никифорѣ, Епифаніи и всѣхъ единомышленникахъ ихъ*, въ составленіи хулы на св. церковь, и прогнѣвъ книги *Жезла*,—*додерже* *вразумятся* и сіи раздорники церкви. Здѣсь нѣтъ ни слова о *клятвѣ* на *обрядахъ*.

Посада Дубовки, протоіерей Андрей Флегмитовъ.
29-го іюня 1882 года.

Редакторъ И. Ковалевскій.

Дозволено цензурою. Цензоръ Прот. В. Лаврскій. Саратовъ, 15 іюля 1882 (года).

Типографія И. С. Бувардина и Комп.